

Час Крысы.

Она протянула ко мне свои белые, изящные руки.

Зажгла три свечи.

— Читай. С этого дня мы муж и жена, связаны жизнью и смертью, неразлучны во веки веков. Я буду охранять твой путь и помогу сокрушить врагов, — произнесла она.

В фамильном храме пламя свечей окрасило моё лицо в багровый цвет.

Я опустился на колени.

На полу лежал пожелтевший древний свиток.

На нём крупными знаками был начертан брачный контракт.

Ниже — наши с ней восемь иероглифов судьбы.

В дрожащем свете свечей я, чеканя каждое слово, прочёл условия сделки.

Как только слетело с губ последнее слово, свечи с тихим звуком погасли.

В тишине послышался потусторонний гул.

В ушах эхом отозвался её голос.

Она спросила меня:

— Ты... ненавидишь?

— Ненавижу! — ответил я без колебаний.

— Хочешь убивать?

— Хочу!

Мои глаза внезапно налились кровью.

Истребить всю несправедливость в этом мире! Лучше я предам весь мир, чем позволю предать себя!

Представляюсь. Меня зовут Янь Мин, в том году мне исполнилось восемнадцать.

Всё, что написано ниже — моя история. И, поверьте, это мой реальный опыт.

Если ты, читатель, дошёл до этих строк, не мог бы ты задержаться?

Отдохни, выпей чаю и послушай, что я расскажу.

Скажу прямо: в этом мире существуют духи.

Да, ты не ослышался.

Они есть.

И, возможно, прямо сейчас один из них стоит у твоего изголовья... или прячется в шкафу... а может быть...

Почему они появляются, где обитают и насколько сильно влияют на твою удачу — на всё это я могу ответить.

Но запомни одну вещь!

Никогда и никому не рассказывай об этом секрете.

Над головой в трёх футах — божества.

Помни... всегда помни...

Я — примерный молодой человек, строитель социализма, материалист, и всякой чертовщины не боюсь.

Раз старые суеверия искоренены, а животные не превращаются в демонов, то и бояться нечего.

Так я и жил, не зная тревог. Восемнадцать лет пролетели как один миг.

Я думал, что моя жизнь так и пройдёт — ровно и обыденно.

Но стоило некоторым вещам всплыть на поверхность, как моё мировоззрение начало рушиться.

Оглядываясь назад, я понимаю, что вокруг меня всегда витала какая-то непостижимая сила.

Позже я стал называть её духами.

Это существа, которые невозможно объяснить с точки зрения науки. Об этом я расскажу позже.

А пока — немного о себе.

Я родился в глухой деревне под Ляньюньганом. Семья неполная, матери я с детства не видел, рос с отцом.

Всё было не так, как в типичных ужастиках. По крайней мере, мне так кажется.

Родители не погибли, никто меня не обижал. Насколько я помню, отец был замечательным: он один заменял мне и мать, и отца, и тепла мне хватало.

Я был сыт, одет, жил легко и свободно, без особых невзгод.

Такой простак, как я, должен был бы просто ходить в школу, работать и прожить обычную жизнь.

Многие мечтают именно об этом.

Я не исключение.

Я тоже хотел такой жизни.

Но небо распорядилось иначе.

Раз уж так вышло, остаётся только смириться.

В тот год, в выпускном классе, я постарался и поступил в университет в нашей провинции — Тайчжоуский университет.

И наша история началась как раз тем летом, после просмотра одного фильма...

Темная ночь, время разгула злых существ.

В ту ночь старый вентилятор со скрипом гонял воздух — звук был такой, будто мыши грызут дерево, очень неприятный.

Отец сидел перед телевизором, не мигая глядя на расплывчатую картинку. На нём были тапки, в одной из которых застрял его огромный палец ноги, и он постоянно шевелил им туда-сюда. На нём была белая майка, а на столе стоял стандартный набор любого затворника — газировка. Он с хрустом грыз редьку.

Серые кадры на экране казались ему невероятно захватывающими, и редька шла на ура.

— Пап, что смотришь? — спросил я, вернувшись из школы и увидев, что отец почти приклеился лицом к экрану.

— Вернулся, оболтус? — отец даже не поднял глаз.

— Ага.

— Где шлялся?

— Да так, поел с однокурсниками.

— Что ел? Сколько стоило?

Отец наконец посмотрел на меня, и я, не подумав, брякнул:

— Двести.

Отец вытаращил глаза:

— Ах ты паршивец! Двести?! Ты что, золото ел?!

Его взгляд был таким свирепым, будто он готов был проглотить меня целиком.

Я испугался и, запинаясь, добавил:

— Пап, это... это нас угощали!

Услышав это, отец успокоился:

— Ну тогда ладно. Чего сразу не сказал? Я уж почти достал свой сорокаметровый тесак, чтобы тебя приструнить!

Он снова вгрызся в редьку и, покачивая головой, добавил:

— Грех не воспользоваться халявой, в следующий раз не забудь завернуть с собой.

— Ясно, — ответил я.

Помолчав, я достал из сумки контейнер с остатками еды:

— Пап, а как ты узнал, что я взял еду с собой?

— Ха! Да я знаю все твои мысли, даже глисты в твоём животе от меня не скроются! Давай сюда, дай отцу попробовать, я проголодался!

Он хлопнул себя по животу.

Свой человек, я поднял большой палец вверх.

Мы оба издали странный смешок и приняли за еду.

Яблоко от яблони недалеко падает.

Мы сидели за столом, как вдруг экран погас.

Я удивился:

— Пап, зачем выключил?

— Телевизор шумит, а есть надо культурно, понял?

— Понял!

Я вспомнил, как недавно отец обернул салфетку вокруг шеи и, вооружившись ножом и вилкой, медленно жевал острую палочку. Этот грубый мужик превратил ужин в трапезу в трёхзвёздочном ресторане Мишлен. Казалось, жестяная кружка превратилась в бокал на тонкой ножке, его старая одежда — во фрак, а из углов комнаты зазвучал сексуальный вальс. Под музыку он покачивался, представляя, что потягивает вино 82-го года...

— Чего замечтался? Ешь давай! — голос отца разрушил мои фантазии. Глядя, как он сметает остатки куриной ножки, я почувствовал, как рушится мой внутренний мир.

Ик!

Отец погладил набитый живот и элегантно откинулся на диван, похожий на пингвина.

Я остался сидеть, голодный и ошарашенный.

— Пап, ну ты не по правилам играешь! — возмутился я.

Отец притворился мёртвым и замер на диване.

Делать нечего, пришлось идти на кухню. Я не наелся, надо было сварить лапшу.

Вода закипела, я бросил лапшу в кастрюлю.

Вдруг из комнаты донёсся треск. Отец снова включил телевизор.

Изначально мне было всё равно, но его странное поведение — выключение, смена темы — разожгло моё любопытство.

Телевизор стоял спиной ко мне, но в оконном стекле отражался экран.

Я бросил взгляд на окно и вздрогнул.

На экране горел кроваво-красный иероглиф: Проклятие.

Сердце ушло в пятки. Отец смотрит такой ужастик? Говорят, этот фильм проклят, и всех, кто его видел, ждут беды.

Охваченный страхом, я посмотрел на отца. Он сидел неподвижно, с таким спокойным видом, что я невольно зауважал его стальные нервы.

Я не хотел видеть эту кровавую жуть ни секунды, отвернулся и сосредоточился на лапше.

Но звуки фильма доносились до меня.

У-у-у!

Внезапное заклинание заставило мои волосы встать дыбом. Любопытство пересилило, и я снова взглянул в окно.

То, что я увидел, заставило меня оцепенеть!

Растрёпанная женщина с гниющими ранами на теле билась головой об алтарь чёрного Будды. Пол был покрыт отвратительными личинками и зловонной жижей. Кожа женщины гноилась, из неё сочилась чёрная кровь! С каждым ударом её голова всё больше распухала, пока наконец не обнажилась белая кость!

Я остолбенел. Забыл даже про лапшу, которая уже начала пригорать.

Вокруг будто всё вымерло. Слышно было только бурление воды в кастрюле.

Уверен, никто из вас не выдержал бы и секунды такого зрелища.

Мой отец, наверное, тоже был напуган до смерти, раз сидел так неподвижно... я испугался за него.

Я выключил плиту.

— Пап! — крикнул я.

Тишина. Только тёмный силуэт продолжал сидеть, не шелохнувшись.

Я бросился из кухни.

И тут произошло странное. Из уст отца раздалась какая-то странная речь. Я замер, осознав: отец сошёл с ума от страха!

Я закрыл глаза рукой и бросился к телевизору, чтобы выключить его.

В этот момент чьи-то руки схватили меня за запястья.

Товарищи, представьте: в тёмной комнате чьи-то руки намертво вцепляются в вас!

Я закричал!

А из уст отца донёсся дьявольский шёпот: — Тц-тц-тц-тц?

Это что... презрение?

Меня прошиб холодный пот. Всё, отец совсем спятил.

— Ты что делаешь? — отец разжал свои пухлые руки.

Он щурился, стараясь не смотреть на экран. Но даже так, жуткие звуки заставляли меня дрожать.

— Пап... ты что, с ума сошёл от страха? — осторожно спросил я.

— Ты, мелкий паршивец, чего орёшь посреди ночи? — раздался его бодрый голос.

Я выдохнул. Отец в порядке.

— А почему ты не отзывался?

— Звук громкий, не слышал, — отец почистил ухо.

Я невольно показал ему большой палец. Старик, а какой храбрец!

После пережитого страха я весь взмок.

— Раз ты такой смелый, смотри дальше, а я пойду поем, — сказал я.

— Вали, вали, — отец пренебрежительно махнул рукой. — Глаз нет, что ли? Такая ерунда меня не напугает, смешно! Как мой сын, ты ведёшь себя слишком суетливо, неподобающе!

Взгляд у него был такой, будто он смотрит на мусор.

Я скривился: конечно, конечно, ты всегда прав!

Вернувшись на кухню, я разложил лапшу по мискам. Взял палочками, подул и попробовал.

М-м, вкуснятина! Горячая лапша — моя слабость.

Перед тем как уйти, я случайно бросил взгляд на окно.

Из-за пара на стекле образовался конденсат, а в нём — густая чёрная тень.

Окно было грязным. Я взял тряпку и протёр его.

Влага исчезла, но на бумаге остался чёрный отпечаток. Как я ни тёр, он не стирался.

Я удивился и нажал сильнее.

Ничего не вышло.

Свет на кухне был тусклым, я подошёл ближе, чтобы разглядеть получше.

Хлоп!

Миска выпала из моих рук, горячий бульон разлился по полу.

Керамика разлетелась на куски.

Я вскрикнул и выбежал из кухни.

В тусклом свете на окне отчётливо виднелся кровавый отпечаток ладони.

Будто он возник из ниоткуда.

<http://bllate.org/book/20634/2063863>